

О.Б. Сиротинина,
профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации
Саратовского университета

ГОД РУССКОГО ЯЗЫКА И ЗАДАЧИ СГУ

2007 год объявлен Указом Президента Годом русского языка в России.

Очевидно, этот год должен стать решающим в борьбе за культуру русской речи в России, начавшейся еще в 90-х годах XX века, и способствовать расширению изучения русского языка в мире.

Сложность ситуации с русским языком состоит в том, что само понятие *русский язык* включает в себя принципиально разные сущности: с одной стороны, это и этнический язык русского народа, в данное время – национальный, и государственный – России, и язык межнационального общения многих людей не только в России, и официальный язык ряда стран, и мировой язык, а следовательно, и рабочий для большого количества международных организаций, конференций, и второй / третий иностранный, предлагаемый для изучения за рубежом.

С другой стороны, национальный русский язык состоит тоже из принципиально разных сущностей: многофункциональный литературный язык, территориально ограниченные разновидности русского языка – диалекты, территориально не ограниченная, но, как и диалекты, пригодная лишь для бытового повседневного общения (просторечие – речь малообразованных горожан), конспиративные варианты русского языка (в прошлом ремесленные, сейчас криминальные аргы), профессиональные (жаргоны), возрастные и экспрессивные варианты (сленг). К тому же названия этих сущностей варьируются, различия между аргы, жаргоном и сленгом дискусионны¹.

В то же время даже литературный русский язык, одним из ведущих признаков которого в отличие от других разновидностей и вариантов является его кодифицированность, тоже состоит из разных сущностей. Во многом принципиально различны устная и письменная формы его реализации в речи. Многофункциональность литературного языка потребовала развития в нем функционально-стилевой дифференциации и изменений того или иного функционального стиля в зависимости от сферы и среды общения, а также от доминирующей в данной ситуации функции.

Кроме того русский язык имеет многовековую историю, он жил и живет, взаимодействуя с другими языками.

Все это лингвисты изучали, изучают и будут изучать. Но в Год русского языка на первый план выходят задачи, которые всегда изучались лингвистами, но именно теперь приобрели особое значение. Сейчас очень важно 1) еще раз проверить реальное функционирование русского языка во всем его многообразии, 2) выявить в нем наиболее тревожные, «болевые» точки, 3) выяснить, под действием каких факторов они возникают, 4) разработать меры преодоления негативного действия таких факторов.

Кафедра русского языка и речевой коммуникации СГУ давно включилась в эту работу², изучает особенности функционирования русского языка в разных сферах и средах общения, а в последнее время еще и процессы вхождения изменений узуальной нормы в систему языка, и в связи с этим – возможные пути развития языка. В центре внимания кафедры находится именно литературный русский язык со всеми его вариациями в зависимости от сферы и среды общения³. Литературный русский язык – это Государственный язык РФ, который должен использоваться в обучении, делопроизводстве, во всех официальных ситуациях и в СМИ.

Распространение в мире и в самой России литературного русского языка идет через СМИ (в России в первую очередь через телевидение), художественную литературу и только потом через обучение. Должно бы быть сначала, и прежде всего, через обучение, но на деле это не так. На уроках в школе учат правильно писать (и то плохо, потому что современные ученики не столько пишут, сколько заполняют пробелы в рабочих тетрадях и тестах), в кружках и на частных уроках – правильно произносить. И очень редко, у хороших учителей учатся именно **пользоваться** языком, выражать с его помощью свои мысли.

Телевидение (и даже газеты), тем более Интернет (особенно общение в чатах), да и современная (часто псевдохудожественная) литература тиражируют ошибки, а не образцы хорошей русской речи. Весьма далекое от благополучия и очень близкое к катастрофическому состояние русской речи населения в XXI в. – результат влияния на нее созданного в борьбе с советским официозом раскованными (но без специальной подготовки) журналистами литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры. Принцип этого типа речевой культуры (снижение речи только ради ее снижения, причем любыми средствами) сформировал во всех СМИ конца XX в. моду на использование словаря В.И. Даля (хотя он не соответствует современным потребностям и никогда не был словарем нормативным!) и на употребление вместо литературных слов любых нелитературных синонимов: вместо *недавно* – *намедни*, *давеча*, даже *надьсь*, вместо *очень* – *шибко*, вместо *как раз*, *точно* до сих пор держится *аккурат* и т.д. На одной полосе газеты можно было найти и диалектное *шибко*, и просторечные *посередь*, *навроде*, *супротив*, *сигануть*, и жаргонное *канать* (в Америке его успехи уже не каналы), и другие нелитературные слова.

Некоторые из них практически уже вошли в лексический состав литературного языка (*беспредел*, *прикольный*, *разборка* и т.д.), появился даже словарь общего жаргона под названием «Слова, с которыми мы все встречались»⁴, не говоря уж о массе более специфических словарей молодежных, криминальных жаргонов⁵. Даже от ведущих новостные программы можно было услышать *Сегодня ложат и ложат цветы к памятникам*; *проедь/уедь* (вместо *проехав*, *уезжай*)⁶. Грубая лексика настолько вошла в обиход СМИ, что даже мат (теперь заменяемый свистом) звучал с теле- и киноэкранов, а многие бранные слова, когда-то тоже бывшие непечатными, сейчас не только спокойно звучат, но и печатаются (*сволочь*, *стерва*, названия экскрементов и некоторых частей тела), а один из заменителей obscenизма стал «экспрессивом» (*блин*).

В 1991 г. на Всесоюзной еще конференции «Русский язык и современность» говорилось об опасности такой вседозволенности по отношению к языку⁷, несколькими изданиями были опубликованы под названием «Не говори шершавым языком» результаты мониторинга «издевательств» над русским языком в разных видах СМИ с указанием, кто, где, что сказал или написал и почему это недопустимо⁸.

Для борьбы с этим злом началась разработка и обсуждение в Совете по русскому языку при Правительстве РФ и в Госдуме проектов Закона о Государственном языке РФ (в 2004 г. он наконец был принят). Уже само обсуждение вопроса о языке СМИ, тем более принятие закона, заставило журналистов задуматься о границах свободы самовыражения, а проигранные судебные иски к СМИ за оскорбление чести и достоинства, ударившие по ним значительными суммами по возмещению морального ущерба, привели к тому, что журналисты (тем более что в СМИ пришли уже люди со специальной подготовкой) стали гораздо ответственнее относиться к инструменту своей профессии.

Однако и сейчас в речи журналистов огрехов еще много. Стремление к свежести, оригинальности выражения – это хорошо, но не за счет пренебрежения к тем значениям слов, которые несет в себе их внутренняя форма. Так, *нелицеприятный* – ‘высказанное прямо в лицо тому, кому это слышать неприятно, то есть сказанное, невзирая на лицо адресата’. Современные толковые словари не дают этого слова, вероятно, из-за его ясной внутренней формы и низкой частотности (есть только с пометой *устар.* *Лицеприятный* – ‘благоприятно-пристрастный’⁹). Однако даже в моей картотеке на основе далеко не полного мониторинга СМИ ежегодно отмечается несколько десятков неправильного употребления этого слова как тождественного слову *неприятный* (*со стороны разных и не всегда лицеприятных сил* – МК 28.09.06; *Роль самого артиста в этом скандале, мягко говоря, нелицеприятная* – МК 13.04.05). В утренней радиопередаче «Взлетная полоса» прозвучало даже, что продавцов и производителей нелицензионных программ никто *не трогает*, что *нелицеприятный факт*, так как свидетельствует о явной коррупции (31.01.07), хотя это, несомненно, свидетельство, наоборот, зависящего от лица отношения к нему, т.е. нечто *лицеприятное*. К тому же *факт* вообще не может быть ни лицеприятным, ни нелицеприятным. Неправильное употребление представлено и в сочетаниях *кто из любопытствующих величавостью Кремля* – (МК 20.09.06); *при нынешнем подавляющем соотношении первых и вторых* (РГ 28.12.06); *артефактом назван то ли необычный метеорит, то ли осколок нейтронной звез-*

ды, то ли образование кимберлитовой трубки (вулканическая версия) – КП 05.08.06, хотя артефакт – это не природное образование, а нечто 'сделанное человеком'. Иногда журналисты объясняют, что артефакт – это нечто непознанное; ошибка природы. И таких примеров, к сожалению, немало¹⁰.

Литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры в XXI в. из СМИ фактически исчез, но вот такое «самоуверенно-неправильное» употребление слов, характерное для среднелитературного типа речевой культуры¹¹, все еще не изжито, что очень опасно для судеб русского языка. Поскольку среднелитературный тип речевой культуры характерен для большинства населения России, в том числе и людей образованных, а речь в СМИ для них авторитетна (они на нее ссылаются как на доказательство своей правоты: *А я так по телевизору слышал*), эти ошибки в массе населения закрепляются и становятся узувальной нормой. Изгнать то, что закрепилось как правильное в сознании масс населения, из реальной речи россиян значительно труднее, чем из СМИ. Так, например, произошло с когда-то непечатными словами. Их знали, иногда, с оглядкой (не везде, не при женщинах) употребляли, но при этом помнили, что это вообще-то нельзя. Лингвистическая вольница в СМИ конца XX в. сняла эти ограничения, сделала грубые слова печатными – выпустила джинна из бутылки, и снова загнать его туда никак не удастся. Мата нет в СМИ, но он слышен на улице, в транспорте, домах, и не только в мужском обществе, но и из уст женщин и культурных на вид девушек. И даже не как предельно яростная брань в момент стресса, не ради оскорбления, а как привычное слово-паразит.

В процессе снижения и огрубления русской речи населением России сыграли огромную роль СМИ и современная художественная литература, которые в конце XX в. свободу самовыражения поставили выше соблюдения норм русского языка. Стремясь приблизить свою речь к речи большинства населения, они объявили ее зеркалом, забыв или намеренно устранившись от одной из важных функций СМИ – не только информировать, распространять среди населения свою точку зрения на события, на то, как человек должен реагировать на ту или иную ситуацию (предостерегать, учить жить, воспитывать), но и быть эталоном хорошей речи, на которую можно и должно ориентироваться. Как когда-то советовал А.П. Чехов: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова < > Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах, – по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать»¹². Конечно, ориентироваться только на язык классической русской литературы уже недостаточно. Жизнь идет вперед, меняется не только общество, но и повседневная жизнь людей – появились новые реалии (телефон, телевизор), возникли новые профессии, новые отношения между людьми. И классическую русскую литературу, с ее прекрасным русским языком и глубочайшим проникновением в душу человека (как и сам язык, – непреходящее достояние русской культуры, из-за чего нередко и изучают русский язык за рубежом), на ее родине не очень-то читают.

А можно ли опираться учителю на современную художественную литературу с ее обценной лексикой? И, даже если ее нет, всегда ли учитель может сказать: учись писать так, как пишет В.Пелевин или В.Ерофеев? Тем более – как написаны читаемые школьниками детективы и фэнтези, особенно в плохих переводах? Увы, но это нередко негативные примеры русской речи. В моей картотеке есть **нелицеприятные сведения** (А. Азимов, В. Аллен. *Инферно*. М., 1999); *В Гурзуфе народ продвинутое отдыхает. Там скор проканает* (Ф. Незнанский. *Лекарство для покойника*. М., 2000), *У меня ушло довольно долгое время* (Ф. Незнанский. *Чеченский след*. М., 2002) и т.д. В книгах можно встретить и просторечную форму краткого причастия *дадена* (лит. *дана*), и недопустимый по правилам русского языка деепричастный оборот (когда его деятель не совпадает с активным подлежащим основного предложения), и неправильный порядок слов¹³, и многие другие не-правильности.

Таким образом, читаемая населением художественная (часто псевдохудожественная) литература не лучше соблюдает нормы литературного русского языка, чем СМИ, хотя ее авторы в отличие от журналистов имеют возможность отработать текст, тогда как журналист всегда в цейтноте.

Конечно, не вся современная литература такая, но «читаемая» чаще всего эталоном служить никак не может. К тому же отказ в некоторых издательствах от корректоров привел к тому, что книга перестала быть образцом даже орфографической правильности. Так, в книге очень известного и действительно хорошего журналиста (В. Соловьев. *Русская рулетка. Заметки на полях новейшей истории*. М., 2006) напечатано *афелированная с Сибнефтью* (несколько раз), применительно к людям употреблено слово *командировочные* (с.224), *изумление* применительно к недопустимому с его точки зрения факту (с.163) и т.д.

Несколько лет назад я пыталась написать статью для учителей с рекомендацией тех текстов, на которые нужно ориентировать учеников. Конечно, я знакома лишь с небольшим количеством современных художест-

венных текстов, но даже среди получавших премии «Букер», «Триумф» эталонных с точки зрения языка я не нашла, а ведь, как и СМИ, кинофильмы, телесериалы и реклама (а в ней встречается даже написание *афишы*) – все это влияет на речевую культуру населения, и, к сожалению, во многом негативно.

По сравнению с концом XX в. положение во «влияющих» на речь населения текстах улучшилось. Положительную роль сыграла и Федеральная целевая программа, разработанная Советом по русскому языку (1995–2003), и действующая (по крайней мере до 2010 г.), и принятый в 2004 г. Закон о государственном языке РФ, но полностью ущерб, нанесенный языку «вольницей» конца XX в., до сих пор не преодолен. Это и послужило, очевидно, одной из причин объявления 2007 года – Годом русского языка, что призвано повысить уважение населения к языку и к русской культуре в целом.

Ответственность каждого за судьбу русского языка высока потому, что он действует не только как родной и как государственный для всей России, но изучается и за пределами нашей страны, является одним из шести мировых языков, признанных ООН, рабочим языком многих международных конференций, экспедиций, доступен для любого жителя Земли через Интернет. В этих условиях очень важно сохранить право литературного русского языка на эпитеты *великий* и *могучий*, не допустить сужения его возможностей. И ни в коем случае учителям не следует пытаться подменить жаргонным вариантом «Евгений Онегин» А.С. Пушкина с его прекрасным языком, «чтобы школьникам было интересно читать», а газетам пропагандировать такой прием, как это сделала «Комсомольская правда» в 90-е годы.

Какие же задачи в Год русского языка стоят перед российским обществом, лингвистами города, журналистами и учителями русского языка и литературы?

1. Всем и каждому с уважением относиться к основному национальному достоянию русского народа и России в целом – русскому языку. Не быть самоуверенным, а стараться расширить свои знания, постоянно проверять их и не пользоваться нелитературными словами и формами.

2. Для этого нужны популярные брошюры о русском языке, его возможностях и дешевые словари.

3. Журналистам надо внимательнее относиться к своей речи, пользоваться словарями и справочниками, помнить, что от СМИ во многом зависит судьба языка.

4. И медикам, и юристам пора перестать гордиться своей профессиональной нормой (*алкоголь, наркомания* и *возбуждено, осуждено*) и начать соблюдать общерусские нормы кодифицированного русского языка, которым еще совсем недавно следовали высококультурные медики и юристы.

5. Учителям надо учить своих учеников не только знать правила и, конечно, соблюдать их в своей речи, но и уметь пользоваться возможностями языка в разных ситуациях общения по-разному, воспитывать в них любовь к русскому языку – одному из богатейших, а не к уродливым жаргонам.

6. Лингвистам необходимо изучать **все** факты речи, но при этом обращать внимание и на то, как формирующаяся новая узальная норма влияет на судьбу языка и какие факторы вызывают к жизни изменения этой нормы. Необходимо усилить борьбу за развитие языка, всеми силами препятствуя его деградации.

7. В системе высшего образования нельзя допускать выпуска узких специалистов, не умеющих пользоваться языком, ибо ни одна отрасль науки и техники, ни одна самая узкая специальность не может существовать и развиваться вне языка.

В связи со сказанным вырисовываются и задачи СГУ. Год русского языка в России – это забота не только лингвистов-русистов и не только факультета филологии и журналистики. Им предстоит разработать ряд мероприятий университетского и более широкого масштаба, что и делается уже сейчас. Но преподавателям и других факультетов нужно приложить определенные усилия для повышения уровня речевой культуры – и своей, и своих учеников-студентов, аспирантов и подчиненных. СГУ – один из лучших классических университетов страны, призванный выпускать истинно культурных бакалавров, специалистов, магистров, и он не должен допускать в своей среде ни языковой, ни риторической безграмотности. Стыдно, когда на заседаниях Ученого совета слышишь неправильные ударения (*ходатáйствовать, включить, кварта́л*), неправильные формы числительных (*двухтысяч седьмой год* и даже *двухтысячношестой год*), а ведь студенты воспринимают их речь как образец.

Очень хорошо, что на всех факультетах читается курс «Русский язык и культура речи», но желательно, чтобы преподаватели основных дисциплин не только относились к этому курсу как одному из важных, но и обращали внимание на речь студентов в их ответах и письменных работах, чтобы не получилось так, что выпускник СГУ пишет *копитальный ремонт* и *лобаратория*.

Особую тревогу в этом отношении вызывает наш новый юридический факультет. Когда-то в суд ходили послушать выступления адвокатов и прокуроров, это были уроки мастерства речи. Теперь, когда с экрана телевизора выступает прокурор (иногда и адвокат), удивляешься неправильности и корявости его речи. Многие наши беды, как в стране, так и в СГУ, – результат плохой работы юристов, их недостаточной лингвистической грамотности при формулировании статей законов (они не должны допускать инотолкований), уставных положений, приказов и других деловых бумаг. А вот формируется ли у студентов этого факультета необходимое им чувство очень большой ответственности за каждое сказанное и написанное слово?

В одной из своих статей¹⁴ я ставила вопрос «От кого зависит судьба русского языка?». Его судьба, а в какой-то мере и судьба всей страны, зависит от нас – от каждого из нас, россиян.

Примечания

- ¹ Сиротинина О.Б. Сленг: его место в системе социальных и функциональных компонентов русского языка // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С.130–132.
- ² См.: Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Язык в жизни людей (из истории кафедры русского языка и речевой коммуникации СГУ // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. 2006. Т.6. Сер. Филология. Журналистика. вып.1/2.
- ³ См.: Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Саратовская лингвистическая школа «Изучение функционирования русского языка» (см. данный выпуск).
- ⁴ Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- ⁵ См.: Елистратов В.С. Словарь московского арго (материалы 1980–1994 гг.). М., 1994; Никитина Т.Г. Так говорит молодежь: Словарь молодежного жаргона. СПб., 1998 и др.
- ⁶ См.: Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. Вып.2. С.3–20.
- ⁷ Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка и материалы почтовой дискуссии. М., 1991.
- ⁸ Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. М., 2000.
- ⁹ Современный толковый словарь русского языка. М., 2004. С.321.
- ¹⁰ Сиротинина О.Б. Реальное функционирование русского языка в его соотношении с типами речевой культуры // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2005. Вып.5. С.6–16.
- ¹¹ См.: Хорошая речь / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001. Вып.5.
- ¹² Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). Л., 1954. С.673.
- ¹³ Сиротинина О.Б. Узуальная норма и ее роль в развитии языка // Русский язык сегодня / Институт русского языка РАН. М., 2006. Вып.4. С.490–499.
- ¹⁴ Сиротинина О.Б. От кого зависит судьба русского языка // Русская речь / РАН. 2007. №1. С.44–50.